

Гурий Иванович Марчук: каким мы его запомнили

Памяти выдающегося учёного и гражданина

Минувшее заседание Президиума Сибирского отделения РАН началось с минуты молчания, которую предварил кратким вступительным словом **председатель СО РАН академик Александр Леонидович Асеев**.

— Не стало выдающегося учёного и замечательного человека — Гурия Ивановича Марчука, — сказал он. — Герой Социалистического Труда, академик Марчук был председателем Сибирского отделения, председателем Государственного комитета по науке и технике, последним президентом Академии наук СССР, и до последних дней своей жизни внимательно следил за развитием сибирской науки, живо интересовался текущими делами Сибирского отделения, оставался нашим старшим коллегой и товарищем...

Сегодня наша газета публикует подборку материалов, которые трудно пока назвать воспоминаниями тех, кто хорошо знал Гурия Ивановича, настолько свежа память о потерях...

Н.Л. Добрецов, академик, председатель СО РАН в 1997—2008 гг.:

— Когда я выступал на траурной церемонии, то выделил две вещи: во-первых, Гурий Иванович Марчук создал уникальный Вычислительный центр Сибирского отделения и тем самым способствовал информатизации науки в целом, и второе — он всячески поддерживал, развивал математическое моделирование, чтобы оно стало рабочим инструментом в каждом институте, в каждом учреждении и подразделении науки. Когда он стал председателем Сибирского отделения, то вместе с академиком Андреем Алексеевичем Трофимовым сформулировал, развивал, реализовал суперпрограмму «Сибирь», в которую входило свыше шестидесяти подпрограмм и крупных проектов. Программа поддерживалась Госпланом и Госкомитетом по науке и технике, на неё выделялись специальные деньги, и она работала и на оборонную промышленность, и на освоение минеральных ресурсов Сибири, развитие инфраструктуры гигантской территории, энергетическую безопасность и так далее.

Программа «Сибирь» продолжала активно развиваться и при Валентине Афанасьевиче Коптее, а Гурий Иванович в это время, занимая должность председателя ГКНТ и заместителя Председателя Совета Министров СССР, тоже активно помогал реализации программы и продолжал её финансировать. Это пример выдающейся, успешной, по-настоящему инновационной программы, и современные инициаторы подобных программ могли бы поучиться созданию и эффективной реализации подобных крупных проектов.

В.П. Ильин, доктор физико-математических наук:

— Огромная потеря для всех, кто знал Гурия Ивановича. И хотя все понимали, что да, возраст, здоровье, но всё равно очень тяжело. Гражданская панихида проходила в актовом зале Президиума РАН, людей было очень много, пришла вся «математика» и не только. В траурных речах отмечались выдающиеся заслуги Гурия Ивановича, его роль в создании программы «Сибирь», подчёркивались состоявшийся при нём своевременный выход науки «на отрасль». Похоронили мы его на Новодевичьем кладбище рядом с могилами выдающихся учёных XX века, таких как А.Н. Колмогоров, В.Л. Соболев, В.Л. Гинзбург...

Ещё до его ухода одно московское издательство задумало к 90-летию Марчука издать сборник его избранных трудов, и работа эта уже началась. Предполагается, что это будет пятитомник, разделы первых

четырёх томов — вычислительная математика, ядерная физика, физика атмосферы океана, иммунология и медицина, а пятый — сборник его статей, касающихся научно-организационной деятельности, и эту работу москвичи попросили сделать нас, новосибирцев. Нет сомнения, что мы её выполним.

Напомню, что пять лет назад, когда Сибирское отделение отмечало 50-летие, у нас состоялась беседа с Гурием Ивановичем, чуть позже опубликованная в «Науке в Сибири». Вот, в частности, что он тогда сказал:

«Для того, чтобы Академия стала существенной организацией в жизни нашей страны, необходимо прежде всего иметь заказы на фундаментальные научные разработки. Без этого наука будет отвлекаться от решения значимых задач на какие-то побочные разработки, которые не несут революционного характера. Практически вся индустрия СССР была создана на основе научных разработок: электроэнергетика, атомная отрасль, самолетостроение, ракетостроение, искусственное волокно и пр. Все эти направления были нужны государству, и государство поддерживало науку, чтобы быть независимым. В тех условиях наука дала возможность крепить и оборонную способность нашей страны, и развивать социальную сферу. Чтобы наука была востребована, надо создать такие условия, при которых народному хозяйству было бы выгодно получать от науки разработки, способные дать толчок развитию экономики. Сейчас это — главная задача, которую следует решать в первую очередь.

Наконец, наука будет тогда развиваться и спрос на неё поднимется, когда пойдут серьёзные денежные вложения в фундаментальные исследования. Именно фундаментальные исследования — прерогатива Академии наук. Никто, кроме неё, не способен этого сделать. Иначе нам придется всё покупать за рубежом, а как известно, импорт готовой продукции и сырьевой экспорт — первые признаки колониального статуса...»

Надо ли говорить, что актуальность этих слов выдающегося учёного и гражданина сегодня только возросла?

И.Ю. Коропачинский, академик:

— Моё первое впечатление о нём — абсолютная простота и доступность. Я приехал в Академгородок где-то в 1964—1965 году, и хорошо помню, как он ездил мимо нашего дома на велосипеде на работу в ВЦ в каком-то сером спортивном костюме. В то время я был всего лишь кандидатом наук, а он — уже учёный с именем, член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии и т.д.

Немного позже, когда он стал заместителем председателя Сибирского отделения, а я — заместителем директора Ботанического сада, Михаил Алексеевич Лаврентьев поручил ему заниматься развитием нашей материальной базы. У Гурия Ивановича, помимо всего прочего, была ещё и чисто прагматическая задумка — построить на нашей территории овощную теплицу. Правда, ничего из этого не получилось, потому что нужного проката и материалов в те времена ещё не было, но наш опыт взаимодействия оказался, для меня во всяком случае, весьма полезным, когда мне пришлось решать уже сотни практических вопросов на посту директора Ботсада. Мне в ту пору пришлось исколесить весь Советский Союз, познакомиться с сотнями людей, и «тыл», если так можно выразиться, у меня всегда был надёжный: я представлял интересы знаменитого Академгородка.

Каким он был в отношениях с коллегами? Исключительно корректный и вежливый человек; он как будто притягивал к себе и сразу располагал к полной откровенности и вместе с тем к деловитости. Масштаб его личности чувствовался даже в мелочах, но он всегда оставался прост и доступен.

А.И. Курбатов, заместитель председателя СО РАН по строительству в 1975—1980 гг.:

— До середины 70-х годов я работал в Институте ядерной физики, но по различным инженерным делам мне часто приходилось сотрудничать и с Президиумом Сибирского отделения, и с городскими властями, поэтому поступившее от Гурия Ивановича приглашение на должность заместителя председателя я воспринял в целом нормально: у нашего института объёмы работ тоже были весьма приличные. Но, естественно, на новой должности мне пришлось столкнуться со всем с иными масштабами работы. Сибирское отделение к тому времени уже возмужало, собственно, это был золотой период в его развитии — молодость и уже зрелость, но с приходом Гурия Ивановича активизировались работы по его развитию. Нарастать нужно было всё: строить новые корпуса для институтов, мощные научные установки, развивать «социалку», строить роддом и поликлинику и, конечно же, продолжать строить жильё. Бурно развивался в тот период Левый берег и Правые Чёмы, микрорайон Шлюза. Особого внимания заслуживала энергетика. Это при Гурии Ивановиче мы перевели наши котельные на газ, а мазут оставили в качестве резервного топлива.

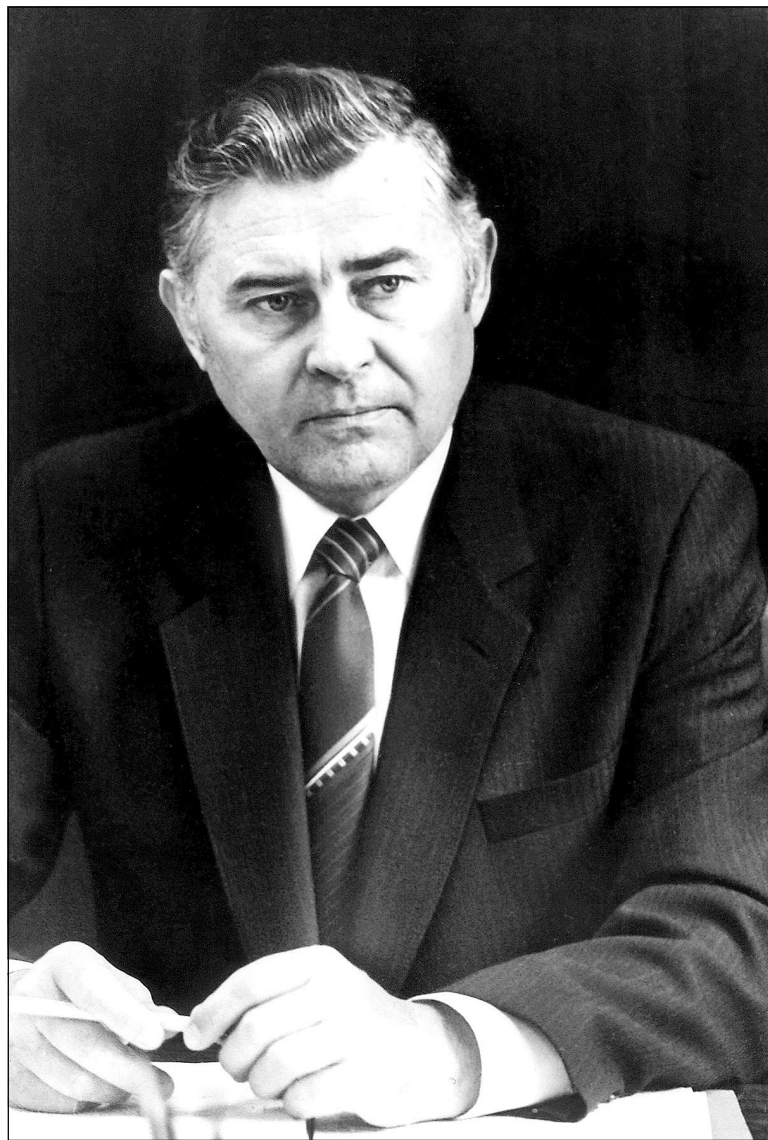
Помню, однажды на приёме у самого всемогущего председателя Госплана Н.К. Байбакова я при решении крупного вопроса по строительству смутился и говорю: надо, мол, посоветоваться с председателем, то бишь с Гурием Ивановичем. Ладно, говорит, иди советуйся. Звоню Гурию Ивановичу: так, мол и так. А он мне: я тебе доверил дело, ты и решай! Снова пошёл на приём к Байбакову, все вопросы были решены, и с тех пор, собственно, я старался никогда больше не беспокоить Марчука ненужными расспросами. И, надо отдать должное, он мне доверял, как и многим другим людям, которых для работы подбирал очень тщательно, затем требовал от них эффективной работы. Это в нём было, пожалуй, главное.

Если говорить в целом о стиле его работы, руководства, то он был преимущественно демократичный: не помню с его стороны окрика или раздражения, но требовать он умел. Это сказывалось и на его отношениях со знаменитым министром Славским, перед которым он неоднократно при мне отстаивал такую позицию, что подчинённый ему «Сибкадемстрой» должен не расплывать силы по регионам и республикам, а работы в ту пору было невпроворот, а сосредотачиваться в основном на заказах от Академии наук, то есть Сибирского отделения.

Так же, корректно и требовательно, выстраивались отношения с областью и городом Новосибирском. Объекты Сибирского отделения всегда были для них приоритетными.

Г.И. Михайлов, член-корреспондент РАН:

— Трудно говорить, да и банальности повторять не хочется, но я действительно один из благодарных учеников Гурия Ивановича. Недавно, ещё до его кончины, закончил новую научную статью, и там в конце подчеркнул, что становление автора как научного работника обязано творческому и административному руководству академика Гу-

рия Ивановича Марчука. Его ученики всегда помнят, что их становление как научных работников в области вычислительной, прикладной математики как и успешное развитие всего этого направления в СССР и РФ в значительной мере также обязано творческому руководству и участию Г.И. Марчука.

Могут добавить также, что когда Гурий Иванович здесь функционировал, то «все флаги были в гости к нам»: в Академгородке постоянно проходили крупные международные научные конференции, сюда слетались специалисты в области прикладной математики и вычислительной техники со всего света. И в значительной степени это было возможно благодаря огромному личному авторитету Гурия Ивановича Марчука.

Он был замечательный старший коллега и товарищ. Помню, однажды он сказал мне полушутливую фразу: «Я слышал, как ты меня критикуешь. По-моему, это значит, что ты не очень хороший сотрудник, но если ты меня перестанешь критиковать, то ты будешь плохим учёным!». Много позже при встрече я напомнил ему эти слова, он смеялся и был, по-моему, чрезвычайно доволен. В этих словах, как в зеркале, отражалась вся золотая эпоха Академгородка, того неповторимого времени, когда в научных кругах была настоящая демократия...

Н.А. Привитц, кандидат технических наук, сотрудник СО РАН с 1958 года:

— Мне бы хотелось сказать о таком важном качестве Гурия Ивановича, как его постоянная забота о популяризации науки или, применительно к масштабу его личности, научном просветительстве, потому что его беспокоило состояние всей российской науки, взаимоотношения науки и общества, состояние научно-технического прогресса в стране. Хотя я была знакома с ним много раньше, но в прямом контакте начала работать с ним где-то в 1970 году, когда стала пресс-секретарём Сибирского отделения, а он в это время был заместителем у М.А. Лаврентьева, и разумеется, в последующем, когда он стал председателем Сибирского отделения.

Нужно отдать должное: как известно, далеко не все представители научного сообщества охотно идут на контакт с прессой. С Гурием Ивановичем картина была иная: он постоянно с журналистами общался, охотно выступал на пресс-конфе-

ренциях и вообще, по-видимому, считал это своим долгом. К тому же, его популяризаторская функция распространялась очень широко: он регулярно выступал перед всевозможными собраниями общественности, на сессиях перед депутатами, на различных конференциях — от партийной и комсомольской до профсоюзной.

Однажды он сломал ногу, и, по его собственному признанию, это дало возможность ему поразмыслить над книгой, которую он давно хотел написать. Насколько я знаю, это была его первая не чисто научная книга, и называлась она «Молодым о науке». Книга была издана в 1980 году в Москве, после пяти лет его пребывания в должности председателя Сибирского отделения. Насколько я понимаю, это была и не популяризаторская книга, а книга-размышление о путях развития науки, страны и общества. Назову лишь несколько её разделов: «Наука и прогресс», «Энергетика», «Атмосфера и океан», «Климат», «Охрана биосферы», «Вид на Землю из космоса», «Развитие Сибири и наука», «Программа Сибирь», «Сколько наук нужно БАМу», «Техника севера», «Проблемы сельского хозяйства», «Составляющие научно-технического прогресса», «Научно-технический прогресс и кадры», «Большой раздел «Наука и молодёжь» и т.д. Нужно сказать, что все эти разделы отвечают трём главным задачам, которые стояли перед Сибирским отделением: развитие фундаментальной науки, связь науки и практики и подготовка кадров. И обо всём этом автор рассказывает на примере Сибирского отделения, не отделяя его от всего научного сообщества страны.

Книга была замечена общественностью, и, насколько я понимаю, это подвигло Гурия Ивановича через пять лет вернуться к этой тематике на новом витке, когда он пять лет проработал в должности председателя Госкомитета по науке и технике. Это был тоже увлекательный рассказ о тех же проблемах, но уже в масштабах всей страны.

Вообще он написал немало книг. Последующие анализировали его общий опыт руководящей работы в науке: «Жизнь в науке», «Пройденный путь» и другие. Личный его опыт, изложенный в книгах — это золотая россыпь для историков науки, изучающих её развитие.

Подготовил А. Надточий, «НВС»